

Ф О Л Ь К Л О Р И С Т И К А

УДК 398.221.224(=511.152.1)

А. М. Шаронов, Е. А. Шаронова

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЭРЗЯНСКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА

Актуальность статьи обусловлена новым взглядом в понимании эрзянской героической поэзии, ее сюжетов, персонажей, особенностей связи с историей, своеобразия поэтики и эстетики героической песни, в дефиниции понятий «герой» и «богатырь», «эпическое сознание» и «историческое сознание». Героический эпос эрзи свидетельствует об ее чрезвычайной жизненной энергии, способности к постоянному развитию, преодолению собственной национальной природы и к диалогу с ней. Цель статьи – представить эрзянскую героическую поэзию с ее специфической героикой, мировидением, связями с исторической действительностью. Задача статьи – обосновать эрзянскую героико-эпическую поэзию как самобытное явление российского и мирового народного творчества со своими художественными и философскими особенностями; а также время ее формирования как эпоху перехода к раннеклассовому обществу.

В статье дается понятие героического эпоса, состоящего из героико-мифологических и героико-эпических сюжетов и персонажей; обозначаются героический сюжет и персонаж; раскрывается связь эпоса с мифом и историей; подчеркивается, что сюжеты и персонажи – художественные воплощения, олицетворения актуальных идей и проблем переломного исторического времени; герой рассматривается как культурный и социальный демиург – сын божества и земного человека; он пользуется покровительством богов; утверждается, что эпический герой – данность, круг поступков и действий которого раз и навсегда очерчен, путь его предрешен; но замечено, что это справедливо лишь с позиции стороннего наблюдателя. В хронотопе эпоса герой не завершен и постоянно развивается; конечен же он вне эпического мира; выявляется отличие героического и богатырского эпоса, говорится о своеобразии эпического сознания, о несовпадении его с историческим сознанием народа. Героический сюжет вынуждается к жизни силой обстоятельств, рождается в народном сознании как выражение актуальной этнонациональной идеи (проблемы, требующей разрешения в общенародном масштабе) и выступает как художественно-эстетический способ ее разрешения.

Ключевые слова: история, эпос, героический эпос, эрзянский героический эпос, сюжет, персонаж, герой, Тюштян, тюштянский век, героический миф, героическая песня.

В героической поэзии эрзяне предстают как суверенный исторический субъект, занимающий особое место в мире и играющий в нем отведенную Провидением роль: они выступают с верховными, небесными и земными богами, с великими героями и богатырями, выдающимися воинами, адекватными их духовной, социальной, этнической природе, и воссоздают многомерный национальный образ.

Героический эпос был записан преимущественно в XIX–XX веках. Он воспринимается как эпос эрзян, живших в Нижегородской, Владимирской, Ульяновской, Тамбовской, Самарской, Рязанской и др. губерниях. Однако в свете новых данных, согласно которым их этническими родственниками были меря, мещёра, весь и мурома, эпос следует распространить и на эти народности, тоже принимавшие участие в его создании; а в пространство эпоса входит и их территория. Несколько героических песен записаны от русского населения, что делает его соавтором эрзянского эпоса (сказание о Скворце и Дятле, Песня о Саманьке, песня «На горах то было на Дятловых», сказание о смерти Тюштяна при любовной связи с русской девушкой на берегу Клязьмы и др.).

Понятие эрзянского героического эпоса до нач. XXI в. окончательно сформулировано не было. К нему, наряду с аутентичными эпическими песнями, А. В. Алешкин [1985] и П. Домокош [1989, 68–79] относили также поэму В. К. Радаева «Сияжар». Аналогичной точки зрения придерживалась М. Дуганчи, посвятившая поэме монографическое исследование [Dugántsy 1999]; она перевела «Мастораву» на венгерский язык и в 2010 г. опубликовала в Будапеште, что означает, что она развила свою концепцию. Противоречивость толкования понятия «героический эпос» не позволила фольклористам Мордовии с достаточной определенностью очертить круг героических сюжетов и героев. А. И. Маскаев среди эпических песен выделил «песни героического содержания» [1964, 54–267], к которым отнес песни о борьбе человека со смертью, о построении города, о девушке Литове, становящейся женой божества, о борьбе с чудовищем и об избрании племенного вождя, песни об охотнике, рыболове и коне. Космогонические сюжеты и персонажи анализу вообще не подвергались. В 2001 г. А. М. Шаронов опубликовал монографию «Мордовский героический эпос: Сюжеты и герои» [2001], в которой представил героико-мифологические и героико-эпические сюжеты и персонажи, сформулировал понятие эрзянской и мокшанской героической поэзии и разработал ее теорию. В 2007 г. увидела свет монография Е. А. Шароновой (Федосеевой) «Книжные формы мордовского героического эпоса: возникновение и эволюция» [Федосеева 2007]; в 2012 г. ее монография «Эрзянский героический эпос: аутентичная и книжная формы. Историко-типологический анализ» [Шаронова 2012]. В них рассмотрены эпико-исторические поэмы Я. Я. Културкаева «Эрьмезь» [1994], В. К. Радаева «Сияжар» [1960] и «Тюштя» [1991], эпопея А. М. Шаронова «Мастораву» [1994]; сформулирована теория книжной формы эпоса; обозначены ее основные жанровые особенности. С философской точки зрения эпос Эрзи и Мокши всесторонне исследован А. А. Гагаевым, П. А. Гагаевым, Н. В. Кудаевой в монографиях «Философия мордовской сказки. Мокшень ёфксонь философиясь. Эрзянь ёвксонть философиясь» [Гагаев 2014], «История эрзянской и мокшанской философии, философии мордвы как исторической территориальной общности» [Гагаев 2017].

Героико-эпическая поэзия включает в себя космогоническую мифологию, развивает идею творения мира в отношении человеческого общества. Подобно космогоническому мифу, она выполняет этиологическую функцию, показывая и объясняя, как появилась государственность эрзян; изображает ее демиурга – царя Тюштяна, родившегося от бога грома и дождя Пурьгинепаз и земной девушки Литавы. Наследуя функцию мифа, героическая эпическая песня преодолевает миф постольку, поскольку действующие лица в ней не боги, а люди, которые, выбирая царя и создавая элементы государственности, организуют по-новому общественную и семейно-бытовую жизнь. Эпос сохраняет связь с мифологией и в том отношении, что главный его герой – богочеловек, которому присущи некоторые сверхъестественные способности, дарованные богом. Таков Тюштян – царь-мироустроитель, создатель эрзянской государственности, социальный демиург, культурный герой, выступающий как персонаж героических мифов и эпических песен, сын бога Пурьгинепаз и земной девушки Литавы. Он наделен героическими свойствами после всенародного избрания на должность правителя. Боги Инешкипаз и Пурьгинепаз дают ему мудрость государственного деятеля, посредством чудесных вестников (пчелиной матки, трех ласточек, Белого Лебедя, Черного ворона с железным клювом) предупреждая о надвигающейся угрозе. В жизнь соплеменников он вносит разум, закон, порядок, меру, избавляя их от первобытной стихии и хаоса. Выполняя организационно-созидательные функции, Тюштян выступает как культурный герой.

Кроме Тюштяна героями являются также Сабан-богатырь и Чудесный Гурьян. У Гурьяна – божественное происхождение: он избирается царем, но не выполняет функций демиурга. Сабан-богатырь – герой асоциальный: он совершает один подвиг, повергая русского богатыря, когда тот провоцирует столкновение с ним; остальные проявления его силы бытового характера.

Тюштян носит титул *инязора* (*ине* – великий, *азор* – хозяин = великий хозяин), обозначающий высшую должность правителя народа.

Сюжеты, герои и события в эпосе олицетворяют идеи и понятия, чувства и переживания, ставшие актуальными в сознании народа и передающие важнейшее направление его развития. Поэтому «художественный замысел историчен даже тогда, когда он облекается в совершенно фантастическую форму» [Пропп 2006, 14].

Эпос о Тюштяне известен в 7 сюжетах: 1) Тюштян и эрзянская история, 2) эрзяне избирают инязора, 3) Тюштян и дочь его Кирдюня, 4) Тюштян и чудеснорожденный младенец, 5) Тюштян и сын 70-летней вдовы, 6) Тюштян и Ашо Локсей, 7) исход Тюштяна. Последовательность во времени сюжетов изображает жизнь героя от избрания его царем и до таинственной смерти, что придает повествованию элемент биографичности. Сюжеты 3 и 4 – мокшанские, возникшие на основе эрзянских песен.

Эпическое представление о времени правления Тюштяна отражено в понятии *Тюштянь пинге* (*Век Тюштяна*), подобно веку Владимира Красное Солнышко в русских былинах. Век Тюштяна – сакраментальное время, характеризующееся расцветом государственности у эрзян, гармонией отношений между правителем и народом, благополучием людей и социальной справедливостью.

В песнях звучат слова: «*Эрзят эрить – а сыредить, пуре симить – а иредить*» («Эрзяне живут – не стареют, пуре пьют – не пьянеют»). Причина благоденствия и счастья – в любви верховного бога Инешкипаза к эрзянам и высокому разуму Тюштяна. Чтобы им жилось хорошо, бог дал им в правители своего внука, сына Пурьгинепаз. *Век Тюштяна* ассоциируется с *Золотым веком*. Он начинается избранием царя и заканчивается его смертью, или исходом на новые земли, за неведомое море.

Как царь, Тюштян стоит в центре эрзянской истории как ее энергетическое ядро, генерирующее важные для жизни народа события и явления.

В Тюштянском Веке вместе с эрзянами живут русские, татары (на завершающей его стадии), мокшане. Его география включает в себя эрзянскую землю, *Письмар Мастор* (страну скворцов), *Карго Мастор* (страну журавлей), *Рузонь мастор* (Русскую землю), реки Ра, Сура, Мокша; города Москву, Владимир, Копарц. Из исторических деятелей упоминается Иван Грозный. Ходом событий управляют верховные боги Инешкипаз, Шкай, Анге-Патяй, Инешкиава; великие боги Пурьгинепаз, Верепаз, Веленьпаз, Масторпаз, Стакапаз, Покшпаз, Идемевсь; божества-покровители Масторава, Норовава, Паксява, Ведява, Юртава, Комлява, Мекшава, Вирява и др.

Песни с любовью повествуют о Тюштяне, хвалят его за умение управлять народом: «*Сон народонзо маштыль кирдеме*» («Он умел править народом»). На богоизбранность Тюштяна указывает и его внешний вид: «*Кининь суманть кантиниль Тюштя лангсонзо, / Кининь карнетъ ульнестъ сонзэ пильгсэнзэ, / Кининь ишляпа ульнестъ Тюштянь прясонзо, / Кининь каркске ульнестъ сонзэ перьксэнзэ, / Кининь палка сонзэ Тюштянь кедьсэнзэ, / Кининь трубазо Тюштянь мейтсээнзэ*» [Mordwinische Volksdichtung 1977, V, 28] («Железные зипуны Тюштян носил на себе, / Железные лапти надевал на ноги, / Железную шляпу носил на голове, / Железным поясом подпоясывался, / Железный жезл у Тюштяна был в руке, / Медная труба у Тюштяна была на груди»). Одежда его подобна одежде Инешкипаза в мифе о сотворении человека [Mordwinische Volksdichtung 1977, V, 4], что указывает на богоизбранность Тюштяна, на его близость к верховному богу и отдаленное тождество с ним. Одежда эпического царя – своеобразная поэтизация железа, унаследованная от железного века, что позволяет предполагать древность происхождения образа эрзянского патриарха. Неотъемлемый атрибут Тюштяна – медная труба. Если что нужно сказать народу или собрать его вокруг себя, он закричит в трубу – и все его слушают или идут на его зов.

Героический эпос развивается от мифа к песне. Если мифологические сюжеты охватывают тему происхождения мира и человека, раскрывая взаимоотношения людей и богов, то песни продолжают тему мироустройства на земле, в мире людей. Мифология рассказывает о происхождении мира, эпос – об истории созданного Инешкипазом-Шкаем эрзянского народа. Сюжет возникает как идеальная модель исторически назревшей проблемы, коллизии. Герой предстает как средство реализации актуальной идеи.

Царь Тюштян обладает чудесными свойствами: трижды в течение месяца он меняет возраст (при новолунии – юноша, в полнолуние – зрелый муж, на исходе месяца – старец); мановением руки останавливает он течение рек; взмахом

платка строит над водой мосты; словно по суше, скачет по воде на коне; живет неопределенно долго – несколько человеческих поколений; по окончании земной жизни возносится на небо.

Типологически Тюштян близок Вяйнямейнену, Калевипозэгу, отчасти – Микуле Селяниновичу, Илье Муромцу. В своем развитии он прошел мифологическую, эпическую и историческую стадии. На мифологической стадии – это божество; на эпической – богочеловек; на исторической – правитель.

Центральное понятие героико-эпического сознания – категория Жизни. Жизнь есть Мир, созданный Инешкипазом и обладающий светом, гармонией, разумом. Главный персонаж Жизни – человек, хозяин земли. Ему покровительствуют божества. Жизнь разумна и запрограммирована, что проявляется в традиции и обряде.

Типологически эрзянская мифология близка мифологии финно-угорских народов; Шумер, Древней Греции и Рима; германцев, скандинавов, русских и др. На историко-генетическую близость эрзянской мифологии и мифологии русских, эстов, литовцев, латышей, финнов, пруссов, белорусов указывает сходное имя бога грома: Перун (рус.), Перкунас (прус., литов.), Перконс (латыш.), Пиру (фин.), Пикне (эст.), Пярну (белорус.), Пурьгине (эрз.).

Книжная форма эрзянского и мокшанского героического эпоса «Масторава» [Шаронов 1994] содержит ряд сюжетов, появившихся в результате творчества русского и эрзянского населения. В этом отношении представляет интерес сюжет об избрании эрзянами царя или князя на основании общественного договора. Между эрзянами, вследствие увеличения их численности и роста количества сел, начались распри и войны, так как они не могли по справедливости поделить между собой поля и луга, леса и реки. Собрали старейшины общээрзянское собрание и решили избрать правителя: тюштяна или инязора, который стал бы управлять ими на основании закона, обычая и традиции и тем самым помог разрешить сложные социально-экономические вопросы. Инязор был избран. Им стал человек, выдержавший магические испытания. По собственной воле он воткнул в землю сухую яблоневую палку и сказал: «Если эта палка, пока я с сохой пройду четыре борозды, даст рост, распустит ветви, зацветет, принесет спелые плоды, я стану инязором». Яблоневая палка превратилась в яблоню со спелыми плодами. Это означало благословение ему верховного бога Инешкипаза на высокую должность.

Сходная ситуация описывается в «Повести временных лет» – в предании о призвании варяжских князей Рюрика, Синеуса и Трувора в Новгородскую землю: «Въстаже кривичи, и словени, и меря, и чюд(ь) на варягы; и изгнаша я за моря, и не дашаимъ дани, начаша сами собою володети и городи ставити. И не бе в них правды, и воста город на город, и быс(ть) меж имират(ь) велика, усобица, и воеват(и) почашас(я) сами на ся. И реша сами себе: “Поищем сами к собекн(я) зя, иже володел нами, и рядил ны, и судил правду”. И при сего Михаилац(а) рствепослаша к варягомъ за море, к руси. Си бозваху варяги рус(ь)ю, яко и се друзи зовутся всеи, умрене, англяне, инигте, тако и сии. Решачюд(ь), словени, кривичи варягом: “Вся земля н(а)ша добра и велика есть и изобилнавсемъ, а нарядника в ней нет. И поидете к нам кн(я)жити и володети нами”. И избраша-

ся от немец три браты с роды своими, и пояшась собою дружину многу. И пришед, Рюрикседе вНовъгороде, а Синеус, брат Рюриков, на Белеозере, а Трувор в Ызборцы, и начаша воевати всюды. И от тех варяг находничех прозвашас(я) рус(ь), от тех словет Руская земля. И суть новгородстии людие и до днешняг(о) дне от рода варяжска, преже бо беша словени» [Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского, 2004, XLIII,15].

Древнерусские летописцы и историки XVIII–XIX вв. считали сказание достоверным описанием начала истории Руси, а Рюрика – основоположником династии русских князей, существовавшей до кон. XVI в. В нач. XX в. А. А. Шахматов высказал мысль о присутствии в сказании новгородско-ладожских династических или топографических преданий; в 70-х гг. XX в. ряд историков (В. Т. Пашуто, В. Л. Янин, Е. Н. Носов и др.) указал в нем, наряду с исторической основой – скандинаво-финно-славянского взаимодействия в VIII–IX вв. в волховско-ильменском регионе – наличие фольклорных мотивов и топосов [Мельникова, 2014, 744]. «Сказание о призвании Рюрика» в основе своей имело договор (ряд князя с местными племенами (чудью, мерей, словенами, весью), согласно которому Рюрик «княжил» и «володел» «по ряду», «по праву». По Е. А. Мельниковой, «повествовательная структура летописного рассказа отражает структуру этиологического предания с эпическим событийно-временным континуумом, который летописец постарался хронологизировать, вынеся зачин (описание ситуации, породившей конфликт) в отдельную годовую статью. К ранним элементам, отражающим эпический характер повествования, принадлежат парные формулы («княжить и володеть», «рать велика и усобица», «дружина многа и предивна», «земля велика и обильна» и др.), отождествление дружины и народа («вся русь» – ПВЛ/«дружина многа» – НПЛ), мотив трех братьев» [Мельникова 2014,744].

Вряд ли нужно сомневаться в том, что рассказ о призвании Рюрика и его братьев за 250 лет устного бытования (862–1113) не подвергся фольклоризации. Вместе с тем, с той или иной степенью достоверности, он сохранил исторический факт, ставший объектом повествования. Не исключено и то, что летописец записал предание, обрядив его требованиями традиций летописания, собственным видением события, этноисторическими, а также политическими предпочтениями нач. XII в. Однако народная концепция зарождения русской государственности в «Сказании о призвании Рюрика» сохранилась. Об этом свидетельствует его сходство с эрзянской песней об избрании царя Тюштяна: сходство по содержанию и структуре, идейной сущности, филологической природе рассказа как наличие в тексте поэтического и синтаксического параллелизма, что свойственно поэзии эрзян и русских.

Сходство летописного сообщения о призвании Рюрика, Синеуса и Трувора с эрзянской песней об избрании царя Тюштяна подтверждает его подлинность – по крайней мере, фольклорно-эпическую, а тот факт, что до кон. XVI в. существовала династия русских князей-рюриковичей, указывает и на исторический факт призвания Рюрика.

В эрзянской песне Тюштян уходит со своим народом «за море», из-за моря призывается Рюрик. Присутствие моря в летописном сказании и в эрзянской песне также сближает эти сюжеты и указывает на то, что море находилось на

русской земле, и под ним разумелось либо Белое море, либо одно из больших озер, расположенных рядом с Новгородом или на незначительном удалении от него. Совпадение места действия в летописном сообщении и в эрзянской песне говорит также о том, что эрзяне причастны к призванию Рюрика. В VIII–IX вв. они совместно с чудью, балтами, мерей, весью и корелой проживали на Новгородской земле и активно участвовали в ее общественно-политической жизни. Обнаруженные в Мордовии, на территории проживания эрзи и мокши (Кельгининский могильник в Zubovo-Полянском районе) 316 накладок со знаком Рюриковичей, выдававшиеся высоким должностным лицам, указывают на то, что еще при Рюрике и его ближайших потомках эрзянская и мокшанская земли входили в состав княжества Рюрика (Новгородской земли) и что изначально эрзя и мокша были государство- и этнообразующими народностями: не «инородческими» племенами, а частью русской народности, золотой ее онтологической сердцевиной.

Внимание Рюрика к эрзе и мокше объяснимо тем, что на княжение он призван с реки Ра, Волги, заселенной в то время эрзей, мерей, мокшей, др. финно-балтами.

Сходство эрзянской песни с преданием о призвании Рюрика интересно в том плане, что эрзю некоторые историки XVIII – нач. XIX в. (С. Глинка, А. Щекатов) отождествляли с мерей и в какой-то части – с весью, участвовавшими в призвании князей. Из этого следует, что меря и весь были «соавторами» и летописного сказания, и эрзянской песни. Иначе говоря, мы имеем дело с единым меряно-эрзяно-вепским эпосом. А с учетом того, что в IX–X вв. эти племена не только входили в Русь, но и составляли ее, можно говорить об общем меряно-эрзяно-вепско-русском эпосе.

Отметим, что в VIII–X вв. западная часть эрзянского населения проживала в пределах Новгородской земли чересполосно и совместно с балтами, мерей, весью, мещерой, муромой, русью, вобравшей впоследствии в себя названные народы.

Сказание о призвании Рюрика и его братьев, имея меряно-эрзяно-вепско-русскую основу, может послужить важным фактором появления нового взгляда на начало русского государства. А именно: «варягизация» призвания князей могла иметь «книжное» происхождение, исходить либо от летописца, либо от его окружения. В исконном тексте, отражавшем реальную этноисторическую обстановку, – данность Руси как государственной и национальной субстанции на Новгородской земле, занимавшей пространство от Балтийского и Белого морей до Урала, – призвание князя носило, скорее всего, внутренний характер, например, с Верхней или Средней Волги. Имя *Русь*, в конце концов, произошло от названия реки Ра, на которой проживало обозначаемое им население. Большинство народов получило имена по месту проживания. С берегов Ра мог быть призван и Рюрик, названный, вполне возможно, именем Рарик или Рурик, как пришедший с реки Ра.

Русское происхождение имеет одно из преданий о смерти Тюштыяна, созданное на Владимирской земле. В нем говорится: ходил Тюштыян походом на город Владимир и приступом взял его. На обратном пути он скакал по реке

Клязьме, и вода удерживала коня. У берега Клязьмы купалась русская девушка. Он прельстился ее красотой, и в это время враги настигли его и убили. Это предание, бытовавшее в пределах Владимирского княжества, говорит о том, что эпос о Тюштяне бытовал и развивался и среди русского населения Центральной России, где хорошо знали эрзян, ибо владимирцы, рязанцы, нижегородцы долгое время проживали с ними чересполосно или совместно.

Предание обращает внимание на любвеобильность Тюштяна: его авторы подчеркивают силу и богоизбранность князя (скачет по воде, как по суше) и слабость, выразившуюся в легкомысленном увлечении девичьей красотой.

Русским по происхождению является сказание о Скворце и Дятле, опубликованное П. И. Мельниковым-Печерским в «Очерках мордвы». В нем русское население высказывает свой взгляд на историческую судьбу эрзян, проживавших на Оке при ее впадении в Волгу. Скворец спрашивает Дятла о судьбе сыновей своих. Тот отвечает: «Если дети твои будут жить мирно и согласно друг с другом, долго будут обладать здешними местами, а поссорятся – будут покорены русскими. И тогда здесь, на устье Оки, поставят русские город-камень, крепок зело, и не одолеют его силы вражеские» [Мельников 1981, 24].

Аналогичное наставление своему народу дает эпический царь эрзян Тюштян перед своей смертью:

Словно ветки в венике мы были.
Потому не ведали про беды,
Жили, не боясь врагов-душманов.
Веточку одну сломает ветер,
Птица унесет в свое гнездовье.
Если ж вместе веточки мы свяжем,
Их любая буря не сломает.
Так и вы, родимые, живите.
Друг за друга крепче все держитесь
И сердца друг другу согревайте.
Каждый пусть лишь о добре хлопочет,
В дело общее привносит пользу,
И тогда вы победите бури,
Засухи, тяжелые болезни,
Одолеете врага любого,
От душманов край родной спасете,
Сбережете нашу Мастораву [Шаронов 2003, 313].

В «Повести временных лет» приводится наставление великого князя Киевского Ярослава сыновьям перед его смертью: «В лето 6562 преставись Великий Князь Русский Ярослав. Ещу живу сущу ему наряди сыны своя, рек им: “Се аз отхожу света сего, сынове мои; имейте в себе любовь, понеже вы есте братья единого отца и матери: да аще будете в любви межи собою, бог будет в вас, и покорит противныя под вы, и будете мирно живуще. Аще будете ненавистно живуще, в прях которающесь, то погинете сами, и погубите землю отец своих

и дед своих, иже налезоса трудом своим великим; но пребывайте мирно, брат брата послушающе”» [Библиотека российская... 1767, I, 113–114]. Завет Ярослава сыновьям совпадает с пророчеством Дятла в сказании о Скворце и Дятле, легендарных эрзянских старейшинах, живших в устье Оки на месте Нижегородского кремля. Приведенные примеры указывают на близость и сходство эрзянского и русского миров не только на Новгородской земле, но и в Поднепровье, в Киевском княжестве. Новгородцы, призвавшие «варягов», и великий князь Киевский Ярослав мыслят эпическими формулами, известными в эпосе народа Эрзя. Мы видим аналогичное мышление эрзян и русов или русов и эрзян, отразившееся в эпосе, обычае и обряде.

Русской по своей сути является песня «На горах на Дятловых», записанная в сер. XIX в. в с.Терюшево Нижегородского уезда. В ней высказана русская государственно-политическая идея о вхождении эрзян в устье Оки под власть Московского царя. Он не завоевывает их, а плывет по Волге и, видя на Дятловых горах молящихся эрзян, посылает им драгоценный подарок: бочонок золота и бочонок серебра. Эрзянские старейшины в ответ решают подарить ему в чашах мед, и хлеб, и соль. Молодые ребята, которым поручено передать царю дары, в пути мед и хлеб съедают, а в чаши кладут землю и воду, что царь воспринимает как добровольный переход эрзянской земли под его власть.

Подобный эпический мотив по такому судьбоносному вопросу мог возникнуть только в благодатной этнической среде.

Фольклорные сюжеты говорят об участии русского населения в создании эрзянского эпоса, свидетельствуют о том, что эрзянский эпос в определенном смысле является и русским эпосом. Разумеется, данный тезис нуждается в дополнительной аргументации с привлечением более обширного материала. Необходимо также новый взгляд на историю и культуру России.

Героический эпос выражает высокую степень развития государственно-политического и этнического сознания. Он формирует национально-историческое мышление народа, идейно организует и сплачивает его, ориентирует на активную духовную жизнь. Эпические образы абсолютно авторитетны. Народ, создавший героический или богатырский эпос, презентует себя как народ-личность, знающий, кто он есть и какое место занимает среди других народов. Уже название эпоса («Илиада», «Одиссея», «Лачплесис», «Калевала», «Джангар», «Олонхо», «Масторава» и др.) возвеличивает народ в его собственных глазах и в глазах людей другой национальности.

Поэтическая история народа (эпос), созданная им самим, правдивей и привлекательней истории, написанной учеными, поскольку тезисы и антитезисы ее всегда возвышенные и справедливые.

Народ, имеющий эпос, будет жить вечно. Его авторитет ничто не поколеблет, со временем он будет только расти.

Эпическое сознание есть данность (интеллектуально-духовная реальность), обусловленная историческим, этническим, эстетическим, социальным, политическим и прочим многообразием форм бытия народа. В нем нет идей и представлений, вымышленных, придуманных кем-то. По этой причине эпическое сознание, переходя из поколения в поколение, из одного времени в другое,

концептуально неизменно, как неизменным остается народ в своем движении в истории. Русский, германец, швед в X в. тот же, что и в XXI в., с тем же менталитетом: эстетикой и этикой, художественными фантазиями.

Народ, забывающий эпические сказания, «забывает» самого себя. Русские былины более всего сохранились на русском северо-западе, в землях мери, веси, корелы, – там, откуда берет свое начало Русская земля. Из тех же пределов – русская художественная, научная и общественно-политическая элита как безусловное доказательство того, что эпос является энергетическим ядром народности, неизбывным источником, наделяющим ее творческим потенциалом, разумом, нравственностью, образом мыслей и чувствований. Отсюда вытекает необходимость бережного отношения к эпическому наследию, воспитания на его сюжетах и образах и молодого (школа, вуз), и старшего (театр, кино, телевидение, библиотека) поколений.

«Масторава» опубликована в 1994 г. на эрзянском, в 2001 г. – на мокшанском, в 2003 г. – на русском, в 2010 г. – на венгерском и в 2015 г. – на финском языках. За прошедшие 23 года она сыграла выдающуюся роль в духовном возрождении эрзян и мокшан, в реанимации чувства собственного достоинства.

Публикацию «Масторавы» восприняли как возвращение утраченной национальной истории, как виртуальный возврат к этническим истокам, которые (это видели все) достойны внимания и использования в жизни XXI в., в эпоху компьютера и интернета, когда все более становится понятным, что Мировой Разум, отраженный в эпической космогонической мифологии, – не фантастика, а реальность в масштабах Вселенной.

«Масторава» свидетельствует о красоте, мощи и разумности языческой религии, в которой царствуют свет, гармония и становление человека в центр мира, которому служат сами боги. Языческая религия – это аккумуляция разума и духа, творческого потенциала народа, его этики и эстетики. Обращение к ней, жизнь в ней и с нею всегда помогали человеку в решении и бытовых, и социальных проблем. Обратившийся с молитвой к этническому божеству человек мог от него получить помощь, если его просьба относилась к духовно-бытовой сфере и к области природы, онтологии бытия.

Эпос и его мифология имеют в виду метафизику истории народа. Они производят общее и закономерное, показывают историю в народе, а народ – в истории. Главный герой эпоса Тюштян есть всеобщий образ человека-эрзянина в его социальной жизни (правитель, воин, муж, мужчина).

Поэтика и эстетика эпоса производны от духа и мышления эпоса, от его сознания, и они образуют его внутреннюю форму. Сюжеты, персонажи, композиция поэм и эпопей не структурируют содержание, содержание в них являет себя. Вместе с персонажами и сюжетами рождается время, являющееся идеальным, существующим только в народном сознании, в сознании певцов и слушателей.

Время «Масторавы» подразделяется на мифологическое время Века богов и эпическое время Века Тюштяна. Оно движется и функционирует в эпосе вообще и в конкретных его сюжетах. Время тождественно существованию народа и сознанию эпоса. Важнейшая его особенность – разумность. Каждая часть

эпоса имеет свое время. В пределах времени существует пространство, подразделяющееся также на мифологическое и эпическое.

Связь времени и пространства с исторической реальностью носит идейный характер, хотя присутствуют конкретные факты и лица.

Эрзянский эпос воспроизвел в поэтической форме не только этническую и духовную историю собственно эрзян, но и отчасти историю родственных ей по языку мери, мешеры, муромы, веси, вошедших в состав русского народа. В силу этого он в некоторой степени является и русским эпосом. Русским эпосом в определенной степени он стал и потому, что в его состав вошли сюжеты, созданные русским населением центральных регионов России (Московская, Владимирская, Нижегородская, Рязанская, Тамбовская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Симбирская и ряд др. областей).

ЛИТЕРАТУРА

Алешкин А. В. Эпос дружбы: (Типология жанра поэмы в литературе народов Поволжья). Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1985. 184 с.

Библиотека российская, содержащая древния летописи, и всякия записки, способствующия к объяснению истории и географии российской древних и средних времен. Ч. 1. СПб., 1767.

Гагаев А. А. и др. Философия мордовской сказки. Мокшень ёфксонь философиясь. Эрзянь ёвксонть философиясь. Самара: Изд-во «Сам ГУПС», 2014. 109 с.

Гагаев А. А. и др. История эрзянской и мокшанской философии, философии мордвы как исторической территориальной общности: В 3-х т. Т. 1. Становление, периодизация, научно-исследовательские программы, специфика и сущность эрзя-мокши и мордовской философии, истории философии эрзи и мокши в истории России. Саранск-Пенза [Б.и.], 2017. 605 с.

Домокош П. Является ли «Сияжар» третьим финно-угорским эпосом // Аспект – 1989. Исследования по мордовской литературе. Саранск, 1989. С. 68–79.

Кулдуркаев Я. Я. Кезэренъпингеде. Эрзяньраскеде. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1994. 136 с.

Маскаев А. И. Мордовская народная эпическая песня. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1964. 440 с.

Мельников П. И. Очерки мордвы. Саранск: Мордов.кн. изд-во, 1981. 136 с.

Мельникова Е. А. Сказание о призвании варяжских князей // Древняя Русь в средневековом мире: Энциклопедия. М.: Ладомир, 2014. С. 744.

Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского (полное собрание русских летописей. Т. XLIII) / Подгот. текста О. Л. Новиковой; подгот. приложения В. И. Легких и И. В. Федоровой. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

Протт В. Я. Русский героический эпос. М.: Лабиринт, 2006. 620 с.

Радаев В. К. Сияжар. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1960. 196 с.

Радаев В. К. Тюштя. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1991. 208 с.

Федосеева Е. А. Книжные формы мордовского героического эпоса: возникновение и эволюция. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2007. 207 с.

Шаронов А. М. Масторава. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1994. 496 с.

Шаронов А. М. Мордовский героический эпос: Сюжеты и герои. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2001. 207 с.

Шаронов А. М. Масторава. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2003. 488 с.

Шаронова Е. А. Эрзянский героический эпос: аутентичная и книжная формы. Историко-типологический анализ. Saarbrücken, LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 346 p.

Dugántsy M. Eposet Sijzjar. Uppsala [Б.и.], 1999. 112 s.

Mordwinische Volksdichtung. V Band. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1977. 525 p.

Поступила в редакцию 07.07.2018

Шаронов Александр Маркович,

доктор филологических наук, профессор,

ГКУ РМ «Научный центр социально-экономического мониторинга»

430005, Россия, г. Саранск, ул. Богдана Хмельницкого, 39а

e-mail: sharon.ov@mail.ru;

Шаронова Елена Александровна,

доктор филологических наук, доцент,

ФГБОУВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный

университет им. Н. П. Огарёва»,

430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68

e-mail: sharon.ov@mail.ru

A. M. Sharonov, E. A. Sharonova

About some features of the Erzya heroic epos

The relevance of the article is explained by a new vision at the understanding of Erzya heroic poetry, its subjects, characters, features of its connection with history, specialty of the poetry and the aesthetics of the heroic song, the definition of the concept of “hero” and “bogatyр,” “epic comprehension” and “historical comprehension.” The heroic era of Erzya attests to its extraordinary vitality energy, the ability to constantly develop, improve, overcome its national character and dialogue with it. The purpose of the article is to present in the scientific community the heroic poetry of Erzya with its specific heroism, outlook, connections with historical reality. The goal of the article is to justify the fact that Erzya’s heroic epic poetry is an original phenomenon of Russian and world folk art with its artistic and philosophical characteristics; that the time of its formation is an era of transition to an early class society, with the appearance of a nation and its ethnic identity. The article describes the heroic epic, which consists of heroic mythological and heroic epic stories and characters, depicts a heroic plot and character, reveals the connection of the epic with myth and history, emphasizes the subjects and characters of artistic incarnations, the personification of real ideas and problems of a decisive historical time. It is important that the heroic epic is formed during the transition from tribal way of life to early class society, and the hero acts as a cultural and social demiurge, the world organizer, the God’s son and the earthly man, enjoys the protection of the gods; the paper argues that the epic hero is data whose range of actions are once and for all delineated, his path is predetermined, but these characteristics are only valid from the position of an external observer. In the chronotope of the epos, the epic hero is constantly evolving; he is finite outside the epic world; for those who already know their history, he has learned his “scheme” and reveals the difference between the heroic epic and epic heroics, speaks about

the peculiarities of the epic consciousness, its incompatibility with the historical consciousness of people. It is emphasized that the heroic conspiracy is forced to acquire life by the force of circumstances, is born in the popular consciousness as an expression of the actual ethno-national idea, a problem requiring resolution throughout the country, and serves as an artistic and aesthetic way to solve it.

Keywords: history, epic, heroic epic, Erzyan heroic epic, plot, character, hero, Tyushtyan (Tyushtya), tushtyan ping (tushtyan age), heroic myth, heroic song.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2018, vol. 12, issue 2, pp. 47–60. In Russian.

REFERENCES

Aleshkin A. V. *Epos družby: (Tipologiya zhanra poehmy v literature narodov Povolzh'ya)* [Epos of a friendship: (a typology of the poem's genre in the literature of the Volga region's peoples)]. Saransk, Mordov. kn. izd-vo, 1985. 184 p. In Russian.

Biblioteka rossijskaya, sodержashchaya drevniya letopisi, i vsyakiya zapiski, sposobstvuyushchiya k ob'yasnenu istorii i geografii rossijskoj drevnih i srednih vremen. Ch. 1 [Russian library, containing ancient chronicles, and all sorts of notes that contribute to the explanation of the history and geography of Russian ancient and middle ages. P. 1]. SPb, 1767. In Russian.

Gagaev A. A. i dr. *Filosofiya mordovskoj skazki. Mokshen' yofkson' filosofiyas'. Erzyan' yovksont' filosofiyas'* [Philosophy of Mordovian tale]. Samara, Izd-vo «Sam GUPS», 2014. 109 p. In Russian.

Gagaev A. A. i dr. *Istoriya erzyanskoj i mokshanskoj filosofii, filosofii mordvy kak istoricheskoj territorial'noj obshchnosti: V 3-h t. T. 1. Stanovlenie, periodizaciya, nauchno-issledovatel'skie programmy, specifika i sushchnost' erzya-mokshi i mordovskoj filosofii, istorii filosofii erzhi i mokshi v istorii Rossii.* [The history of Erzya and Moksha philosophy, philosophy of Mordovia people as a historical territorial community: In 3 V. V. 1. Formation, periodization, the scientific research programme, the specificity and essence of the Erzya-Moksha and Mordovian philosophy, history of philosophy of Erzya and Moksha as part of Russian history]. Saransk-Penza [B.i.], 2017. 605 p. In Russian.

Domokosh P. Yavlyaetsya li «Siyazhar» tret'im finno-ugorskim eposom [Is «Siyazhar» the third Finno-Ugric epos]. *Aspekt – 1989. Issledovaniya po mordovskoj literature* [Aspect – 1989. Studies on the Mordovian literature]. Saransk, 1989, pp. 68–79. In Russian.

Kuldurkaev Ya. Ya. *Kezehren' pingede. Ehrzyan' raskede* [The ancient age. About Erzya people]. Saransk, Mordov. kn. izd-vo, 1994. 136 p. In Erzya.

Maskaev A. I. *Mordovskaya narodnaya ehpiceskaya pesnya* [Mordovian folk epic song]. Saransk, Mordov. kn. izd-vo, 1964. 440 p. In Russian.

Mel'nikov P. I. *Ocherki mordvy* [Outlines of Mordovian people]. Saransk, Mordov. kn. izd-vo, 1981. 136 p. In Russian.

Mel'nikova E. A. Skazanie o prizvanii varyazhskih knyazej [The Legend of the Varangian princes' calling]. *Drevnyaya Rus' v srednevekovom mire: Enciklopediya* [Ancient Rus in the medieval world: encyclopedia]. Moscow, Ladomir, 2014. 744 p. In Russian.

Novgorodskaya letopis' po spisku P. P. Dubrovskogo (polnoe sobranie russkih letopisej. T. XLIII) [Novgorod chronicle on the list of P. P. Dubrovsky (complete edition of Russian Chronicles. V. XLIII)]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 368 p. In Russian.

Propp V. YA. *Russkij geroicheskij ehpos* [Russian heroic epos]. Moscow, Labirint, 2006. 620 p. In Russian.

Radaev V. K. *Siyazhar* [Siyazhar]. Saransk, Mordov. kn. izd-vo, 1960. 196 p. In Erzya.

- Radaev V. K.** *Tyushtya* [Tyushtya]. Saransk, Mordov. kn. izd-vo, 1991. 208 p. In Erzya.
- Fedoseeva E. A.** *Knizhnye formy mordovskogo geroicheskogo ehposa: vzniknovenie i ehvolyuciya* [Book forms of the Mordovian heroic epos: origin and evolution]. Saransk, Izd-vo Mordov. un-ta, 2007. 207 p. In Russian.
- Sharonov A. M.** *Mastorava* [Mastorava]. Saransk, Mordov. kn. izd-vo, 1994. 496 p. In Erzya.
- Sharonov A. M.** *Mordovskij geroicheskij ehpos: Syuzhety i geroi* [Mordovian heroic epos: Plots and heroes]. Saransk, Mordov. kn. izd-vo, 2001. 207 p. In Russian.
- Sharonov A. M.** *Mastorava* [Mastorava]. Saransk, Mordov. kn. izd-vo, 2003. 488 p. In Russian.
- Sharonova E. A.** *Erzyanskij geroicheskij ehpos: autentichnaya i knizhnaya formy. Isttoriko-tipologicheskij analiz* [Erzya heroic epos: authentic and book forms. Historical and typological analysis]. Saarbrücken, LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 346 p. In Russian.
- Dugántsy M.** *Eposet Sijzjar* [Epos Sijzjar]. Uppsala [B.i.], 1999. 112 s. In Swedish.
- Mordwinische Volksdichtung. V Band* [Mordvinian Folk Poetry]. Helsinki, Suomalais-Ugrilainen Seura, 1977. 525 p. In Erzya.

Received 07.07.2018

Sharonov Alexander Markovich,
Doctor of Sciences (Philology), Professor,
GCU RM «Scientific center of social and economic monitoring»
39A, ul. Bogdan Khmel'nitsky, Saransk, 430005, Russian Federation
e-mail: sharon.ov@mail.ru

Sharonova Elena Alexandrovna,
Doctor of Sciences (Philology), docent,
FGBOU VO «National Research Mordovian state
University named after N. P. Ogarev»,
68, ul. Bolshevistskaya, Saransk, 43005, Russian Federation
e-mail: sharon.ov@mail.ru